

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 323.396

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-4-766-774

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ТУРКМЕНИСТАНА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

FORMING OF POLITICAL ELITE OF TURKMENISTAN AND ITS INFLUENCE ON THE PROCESS OF FOREIGN POLICY DECISION-MAKING

Д.А. Белашенко, И.В. Рыжов, И.Ф. Шоджонов
D.A. Belashchenko, I.V. Ryzhov, I.F. Shodzhonov

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru, ivr@imomi.unn.ru, shodzhonov@inbox.ru

Аннотация

Регион Большой Центральной Азии привлекает внимание многих участников современных международных отношений. На это влияет потребность мира в новых рынках сбыта, новых транспортных коридорах и трубопроводах, новых источниках углеводородов. По прогнозам экспертов, именно этот регион станет одним из наиболее важных в XXI веке. В связи с этим все большую популярность и распространенность получают исследования, связанные с государствами Центральной Азии, их внутренней и внешней политикой. Одним из наиболее любопытных и одновременно мало изученных государств региона является Туркменистан. Объектом анализа в настоящей статье выступает процесс формирования политической элиты независимого Туркменистана, его основные этапы, особенности и характеристики. Выделяются как черты, присущие для всех государств Центральной Азии, так и местная специфика, позволившая сформировать во многом уникальную политическую систему. Отдельно авторы рассматривают влияние фактора элит на принятие внешнеполитических решений и характер внешней политики в целом. В целом Туркменистан за период независимого существования сумел сформировать политическую систему, представляющую собой симбиоз традиционных черт центральноазиатских обществ и современных политических институтов, на которую практически не оказало влияние развитие современной системы международных отношений и мирового порядка.

Abstract

The Greater Central Asia region attracts attention of a large number of participants of contemporary international relations. This is influenced by the need of the modern world in new markets, new transport corridors and pipelines, new sources of hydrocarbon, etc. Experts predict that this region will become one of the most important in the 21st century. In this regard, scientific researches related to the states of Central Asia, their domestic and foreign policies is gaining popularity and prevalence. One of the most curious and at the same time little studied states of the region is Turkmenistan. The object of analysis in this article is the process of forming the political elite in independent Turkmenistan, its main stages, features and characteristics. The authors identify both features inherent in all states of Central Asia and also local specificity, which made it possible to form a largely unique political system. Separately, the authors consider the influence of the elites' factor on foreign policy decision-making and the nature of the foreign

policy in general. In general, the post-soviet Turkmenistan managed to form a political system, which is a symbiosis of the traditional features of Central Asian societies and modern political institutions, to which practically no influence was exerted by the development of a modern system of international relations and the world order.

Ключевые слова: Центральная Азия, Туркменистан, политическая элита, президент, племенной фактор, кланы, процесс принятия внешнеполитических решений.

Key words: Central Asia, Turkmenistan, political elite, president, tribal factor, clans, foreign policy decision-making process.

В регионе Большой Центральной Азии Туркменистан является наиболее закрытым с информационной точки зрения государством. Многие процессы и тенденции, протекающие внутри страны, либо остаются неизвестными, либо появляются в информационном поле со значительным опозданием. В то же время географическое положение Туркменистана, его экономический и ресурсный потенциал приобретают все большее значение как для региона, так и для влиятельных игроков современной системы международных отношений (России, Китая, Ирана, Израиля) [Рыжов, 2009].

Как отмечают российские исследователи Т.А. Алексеева и А.А. Казанцев [2012, с. 163], «Туркменистан является классическим неопатримониальным государством (то есть сочетающим в себе традиционные и современные черты). Правление харизматического лидера носит неинституционализированный характер. Личный стиль правления является крайне противоречивым по содержанию во всем, что не касается проблемы сохранения и усиления власти президента. Кадровая политика характеризуется жесткими периодическими репрессиями (т. е. отстранением от власти неугодных чиновников путем увольнения, перевода на более низкие должности либо с применением карательных мер вплоть до уголовного преследования) и непрерывными «перетасовками». Крупнейшим достижением страны стало официальное получение нейтрального статуса. После этого Туркменистан воздерживается от активного участия в каких-либо интеграционных проектах, так как любая международная интеграция налагает ограничения на авторитарный стиль правления. В связи с приходом к власти нового президента политическая система переживает определенные трансформации в сторону либерализации».

В современном мире существует двойственное отношение к политической системе Туркменистана. С одной стороны, авторитарные государства с жесткой идеологией и развитым репрессивным аппаратом подвергаются обоснованной критике [Репрессии и регресс в Туркменистане..., 2004; Teres, 2017; Stronski, 2017]. С другой, Туркменистан – это интересный пример сочетания некоторых демократических форм с национальными традициями и особенностями [Denison, 2007; Horak, Sir, 2009; Fjæstad, Øverland, 2012; Isaacs 2015]. По мнению О.И. Оськиной [2014, с. 245], «такая политическая картина не позволяет однозначно оценивать сложившуюся политическую систему. Для выяснения адекватности различных оценок необходим всесторонний и беспристрастный анализ социально-политической ситуации в стране и действующих политических сил».

Подобная модель государственной системы сформировалась во время правления первого президента Туркменистана Сапармурата Ниязова (Туркменбаши), активно создававшего на протяжении всего пребывания на посту (1991–2006 гг.) узкую прослойку политической элиты, далеко не все представители которой имели доступ к реальной власти. В конце 1990-х гг. сформировались две основные группы влияния. Первую представляли «экономисты» во главе с руководством Центрального банка (Худайберды Оразов до эмиграции в 2002 г.) и руководителями ТЭЖ (Еллы Курбанмурадов, вице-премьер, курировавший энергетические отрасли) [Горак, 2007, с. 64]. При любом усилении позиций кого-либо из своих приближенных последние подвергались «чисткам», в результате которых либо мигрировали, либо подвергались уголовному преследованию и получали тюремные сроки.

В создавшихся условиях представители Министерства иностранных дел не смогли сформировать собственный центр силы, способный оказывать влияние на процесс принятия внешнеполитических решений и политику президента С.А. Ниязова. С другой стороны, нынешний министр иностранных дел Рашид Мередов занимает свой пост с 7 июля 2001 г., пережив ряд перестановок в правительстве, а после смерти С.А. Ниязова занял также и пост вице-премьера (фактически главы правительства, так как пост премьер-министра занимает действующий президент Гурбангулы Бердымухамедов).

Современное Министерство иностранных дел Туркменистана состоит из 17 структурных подразделений – 15 отделов, 1 управления и редакции журнала «Внешняя политика и дипломатия Туркменистана». Задачи, функции и порядок деятельности структурных подразделений центрального аппарата Министерства иностранных дел Туркменистана определяются соответствующими положениями. Структура и численность работников центрального аппарата Министерства иностранных дел Туркменистана, а также дипломатических представительств и консульских учреждений Туркменистана за рубежом утверждаются Президентом Туркменистана.

Деятельность Министерства иностранных дел Туркменистана регулируется законодательными актами Туркменистана: Законами «О дипломатической службе», «О статусе дипломатических представительств Туркменистана за рубежом», «О дипломатических рангах», «О консульских учреждениях Туркменистана» [Внешняя политика стран СНГ..., 2017, с. 389–390].

Приход к власти Г.М. Бердымухамедова, начавшего постепенную либерализацию политической жизни страны, в то же время ознаменовал новую волну перестановок в правивших элитных кругах. В частности, был серьезно трансформирован «силовой» блок и заменены его ключевые министры, пользовавшиеся поддержкой предыдущего президента. На большинство освободившихся и созданных постов были назначены выходцы из племени ахал текке (к нему принадлежал и С.А. Ниязов). Также на ряд ключевых постов были выдвинуты родственники нового президента [Грозин, 2014, с. 46–47].

Таким образом, в нынешних условиях представители МИД Туркменистана являются, за исключением самого министра и некоторых крупных чиновников, лишь проводниками внешнеполитического курса, осуществляемого Г.М. Бердымухамедовым и формируемого непосредственно президентом и его ближайшим окружением, включая т. н. «теневых советников». Последний институт представляет собой весьма интересный феномен.

Во многом данная группа влияния формировалась из представителей нетитульной нации. Эти люди концентрировались, прежде всего, в президентской администрации С.А. Ниязова. Хотя официально ее главой был Реджеп Сапаров, именно они стояли за ним, так же, как и за кулисами всего режима. Их положение не пошатнулось ни с одной кадровой перестановкой. Речь идет о круге советников русского происхождения – Александр Жадан, Владимир Умнов отвечали за экономические вопросы, в то время как Виктор Храмов остался на посту главного идеолога страны, и именно его можно считать одним из главных разработчиков культа личности С.А. Ниязова [Горак, 2007, с. 66].

В бизнес-сфере можно выделить, прежде всего, Иосифа Маймана, владельца строительных компаний и торговца ювелирными изделиями [Горак, 2007, с. 66]. Согласно сообщениям СМИ, Майман играл одну из решающих ролей по продвижению идеи Транскаспийского трубопровода (соединяющим Туркменистан и Турцию без участия России и Ирана), активно лоббировал интересы Ашхабада и лично С.А. Ниязова в США, Германии, Франции, Турции, Израиле, Азербайджане и Турции [Майман Иосиф...]. Примерами успешной деятельности И. Маймана и его структур может служить визит С.А. Ниязова в Германию в 1997 г., встреча с президентом США Б. Клинтон в 1998 г., ряд крупных контрактов с Израилем в сфере строительства и сельского хозяйства [Колосов, Партнерство во имя обогащения...].

Среди других влиятельных бизнес-структур надо упомянуть строительные фирмы из Турции (представители Ахмед Чалык, Эрол Табанджа) и Франции («Буиг», руководи-

тель – Пьер Буаше) [Горак, 2007, с. 66]. В частности, А. Чалык долгое время занимал пост представителя президента Туркменистана по размещению на рынках Турции туркменского природного газа, нефти, электроэнергии и хлопка [Американский бизнесмен Роберт Паркер доволен развитием партнерства с Туркменистаном...] (прежде всего, на рынках Турции). Кроме того, структуры Чалыка занимались реализацией крупных строительных проектов на территории Туркменистана [Колосов, Партнерство во имя обогащения...], а также совместных работ по прокладке нефтепровода Самсун-Джейхан для транспортировки российской, казахской и туркменской нефти в Европу [Аликперов М. Бердымухамедов не устоял перед финансовым обаянием Чалыка...].

Однако для этих людей Туркменистан представлял, прежде всего, пространство для бизнеса, и их влияние на С.А. Ниязова было связано, скорее, с собственными интересами, чем с политической ситуацией в стране. Эти люди не принадлежали к туркменской элите и остались вне структур традиционного общества [Горак, 2007, с. 66].

После прихода к власти Г.М. Бердымухамедов имел несколько вариантов развития внутривластной ситуации: от продолжения культа личности до радикального разрыва с эпохой Ниязова. В целом действующий президент пошел по не самому ожидаемому пути. В Туркменистане одновременно происходили процессы реформирования элит, когда глава государства окружал себя проверенными кадрами, опираясь в том числе на фактор личного знакомства и доверия и упрочения единоличной власти за счет устранения от власти потенциальных конкурентов и пресечения любых конфликтов на уровне групп элиты. Был сохранен институт «теневых советников», которые продолжают, как и при Ниязове, выполнять функции «обслуги» режима. Образ Туркменбаши выполняет больше церемониальную роль и практически не влияет на имидж и авторитет действующего президента.

В 2008 г. в Туркменистане была принята новая конституция, провозгласившая значительные внутривластные перемены. Прежде всего, вся законодательная власть переходила к парламенту. Кроме того, провозглашался принцип многопартийности, что должно было создать видимость политической конкуренции [Конституция Туркменистана...]. Формально эти шаги расширяли также полномочия парламента и политических партий в сфере влияния на различные сферы жизни страны. Однако реальные политические изменения происходят крайне медленно, а власть продолжает оставаться в руках Г.М. Бердымухамедова и его окружения.

Провозглашенная конституцией многопартийность также пока остается лишь положением. Ведущей политической силой продолжает оставаться пропрезидентская Демократическая партия Туркменистана (преемница Коммунистической Партии Туркменской ССР). Новые зарегистрированные партии не оказывают существенного влияния на политическую жизнь страны в силу своего незначительного присутствия в Меджлисе (парламенте Туркменистана). В то же время ряд политических партий остаются под запретом, а их члены подвергаются преследованиям.

Общественное влияние на политическую жизнь Туркменистана, в том числе и на внешнеполитический курс, фактически отсутствует. Причинами являются как традиционные особенности центральноазиатских обществ (клановость, трайбализм, приверженность к жесткой авторитарной и тоталитарной власти) [Норак, 2010, 2012; Kupysz, 2012], так и более современные черты развития (практически полное отсутствие оппозиционных СМИ, крайне низкий процент населения, имеющего доступ к интернету, фактическое отсутствие политической конкуренции) [Blank, 2007; Peugouse, 2011]. Любая политическая активность населения, вызывающая подозрение со стороны официальной власти, попадает под жесткий государственный контроль. Деятельность оппозиции, критикующей в том числе и внешнеполитический курс Г.М. Бердымухамедова, остается на крайне низком уровне.

Одними из немногих факторов, оказывающих воздействие на процесс принятия внешнеполитических решений, являются племенная и клановый. Данная особенность проявляется не только в Туркменистане, но и в других государствах Центральной Азии.

До советской власти каждое туркменское племя имело свой ареал проживания, свою территорию, а нарушение границ других имело место только в ходе набегов. С установлением советской власти постепенно начали исчезать географические и другие границы между племенами, и люди стали свободно перемещаться, переселяться из одного района в другой. Появились возможности для объединения и превращения туркмен в единую нацию, и эта возможность была в той или иной степени реализована [Грозин, 2010, с. 50].

Однако полученной свободой жить там, где захочется, туркмены не особенно пользовались: народ привержен к традициям, консерватизму. Поэтому они меньше, чем представители других национальностей, мигрировали не только в пределах СССР, но и внутри своей республики. Каждое племя оставалось жить в своём большинстве в своих исторических зонах расселения [Грозин, 2010, с. 50–51].

Назначение первых лиц в республике по ротации, когда представитель одного племени сменял представителя другого племени, не давало того эффекта, которого ожидала Москва от этой кадровой политики. Генетически каждое туркменское племя – а их около 30 (ведущие – теке, две ветви йомудов, эрсары, алили, салыры, языры, геоклены и човдурры), объединяют более 5 тыс. родовых групп – представляет собой достаточно герметичную, особую субпопуляцию. «Нация племен» (Термин «нация племен» в отношении туркмен введен и часто используется туркменским историком, культурологом, д. и. н., профессором Ш.Х. Кадыровым) состоит из субэтнических групп, разобщенных настолько, что о каждой из них в принципе можно говорить, как о самостоятельном маленьком народе. В данной связи особое внимание к кланам в Туркменистане не только оправдано, но и абсолютно необходимо при любом серьезном исследовании [Грозин, 2010, с. 51].

Советская власть способствовала укреплению кланового самосознания; ее авторитарно-иерархическая система слилась с традиционной схемой общественных отношений, основанных на коллективистской солидарности и повиновении «старшим». И после распада СССР был запущен социокультурный механизм возвращения к традиционным особенностям общественной жизни. В Центральной Азии и, в частности, в Туркменистане появилась особая форма организации политических систем, в рамках которой и произошла архаизация основных политических институтов, характерных не столько для параметров национальных государств новейшего времени, сколько для родоплеменных организмов [Грозин, 2010, с. 52].

В случае с Туркменистаном этот процесс привел к наиболее показательным результатам. Автократия С.А. Ниязова привела к сверхцентрализации власти, сосредоточению функций по принятию решений в руках президента и его ближайшего окружения и в то же время привела страну к международной изоляции, что во многом упростило проблему формирования внешнеполитического курса. После смерти Туркменбаши его преемник столкнулся с серьезной конкуренцией кланов в борьбе за политическое наследство С.А. Ниязова и вынужден был корректировать механизмы их взаимодействия.

Что касается роли племенного фактора во внешней политике Туркменистана, то можно выделить три аспекта влияния:

1. Принадлежность президента и членов его окружения к конкретным племенным группам.
2. Территориальное распределение племен внутри Туркменистана. Здесь большую роль играют племена, проживающие в приграничных районах.
3. Контакты туркменских племен с членами диаспоры. На сегодняшний день наиболее крупные общины проживают в Иране, Афганистане, Узбекистане, Турции, Пакистане, России и ряде других государств.

Наиболее интересным нам представляется второй аспект. Примерами племен, влияющих на внешнюю политику являются йомуды, проживающие в западных прикаспийских регионах (соответственно, контролирующие в определенной степени транспортные пути, торговлю и полезные ископаемые), и эрсары, населяющие восточные районы, граничащие с Узбекистаном [Инвестиционный потенциал Туркменистана..., 2011, с. 33]. Определенную роль играют и племена, чьи территории проживания граничат с Афгани-

станом (эрсары, марыйская ветвь теке). В 1990-х – начале 2000-х гг. Туркменистану удалось поддерживать максимально благоприятные отношения с движением «Талибан» и Северным альянсом и участвовать в попытках примирения сторон внутриафганского конфликта [Туркмения. Конфликты и расколы...].

На протяжении достаточно продолжительного периода времени в Туркменистане продолжалось противостояние между представителями Ахальского оазиса, к которому относится и Ашхабад, и племенными кланами других регионов. Главной целью этого противостояния было получение руководящих постов в органах власти. В советское время в разные периоды доминировали как представители ахальского клана (туркмены-ахалтеке), так и представители других регионов.

Изменения начали происходить после прихода к власти С.А. Ниязова, который привлекал на руководящие должности в политике, бизнесе и прочих сферах своих земляков, постепенно сформировавших мощную ахалтекинскую группировку и практически перекрывших путь к власти для других кланов. Позиции ахальского клана еще более усилились при Г.М. Бердымухамедове, делающем еще большую ставку на ахалтекинцев. Фактически полностью они контролируют министерства и службы, отвечающие за безопасность и обороноспособность страны. Таким образом, именно регионально-этническое происхождение в современном Туркменистане оказывает решающее значение на дальнейшую карьеру. Можно сказать, что в стране создана своеобразная система местничества, в основе которой лежат традиционные для центральноазиатских обществ черты.

Другие кланы также играли определенную роль при формировании политической элиты Туркменистана в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В частности, представителями кизил-арватского клана были бывший глава Кабинета министров Хан Ахмедов, министр товаров народного потребления Ашир Атаев, председатель Верховного совета Роза Базарова и ряд других министров, чиновников, представителей науки и культуры. К балканскому клану принадлежал видный политический деятель Назар Союнов, занимавший ряд крупных государственных постов. Представители чарджоуского клана утратили свое влияние по сравнению с советским периодом (наиболее известен Мухамедназар Гапуров – председатель Совета министров Туркменской ССР и первый секретарь ЦК Компартии Туркмении), но сохранили ряд постов среди чиновников среднего звена. Также представитель этого клана, Джоракули Бабакулиев, на ранних этапах занимал пост вице-премьера и курировал сельское хозяйство, а Мухаммед Назаров с 1996 по 2002 гг. возглавлял Комитет национальной безопасности (ныне – Министерство национальной безопасности). Сохраняет определенное влияние и марыйский клан, представители которого занимают посты в политике, культуре, науке и других сферах [Оськина, 2014, с. 246].

Наименьшее влияние в настоящее время оказывает ташаузский клан, представители которого утратили влиятельные государственные посты и должности. В то же время при С.А. Ниязове выходцы из Ташаузского ваята Реджеп Сапаров, Худайберды Оразов, Сапаргельды Мотаев, Язгельды Гундогдыев и некоторые другие играли значительную роль в политической жизни страны [Оськина, 2014, с. 247].

Тем не менее деятельность других кланов также оказывает определенное воздействие на внутри- и внешнеполитический курс государства. В частности, учитывая территориальную привязку кланов, при определении внешней политики приходится принимать во внимание позиции старейшин и наиболее влиятельных представителей того или иного клана, проживающего в пограничных районах. Также у кланов есть связи с туркменами, проживающими за пределами исторической родины. Соответственно, этот фактор также используется при планировании и осуществлении внешней политики. Кроме того, с учетом роста значимости энергоресурсов и зависимости экономики Туркменистана от их добычи и экспорта увеличивается влияние кланов, на чьих территориях располагаются перспективные месторождения природного газа.

Стоит также учитывать, что клановость в Туркменистане может сыграть и негативную роль. Особенно это может сказаться в случае дальнейшего ухудшения жизни населе-

ния, большая часть которого проживает в сложных социальных условиях. При возникновении экономических или политических потрясений авторитет клановых лидеров, вероятно, перевесит влияние столицы и президента.

Помимо закрытости основной чертой политической системы Туркменистана является сосредоточение всей полноты власти в руках одного человека – президента страны (сначала – С.А. Ниязова, затем – Г.М. Бердымухамедова) и узкого круга его ближайших министров и советников. Соответственно, процесс формирования внутренней и внешней политики, а также принятия решений по ключевым направлениям развития остается прерогативой относительно небольшого числа политических и экономических деятелей.

Одними из важнейших факторов влияния являются племенной и клановый, имеющие глубокие исторические корни в жизни туркменского и, шире, любого центральноазиатского общества. Четкое географическое разделение, наличие комплекса противоречий и борьба за должности в высших кругах власти сформировали особенности взаимоотношений между кланами. Во многом современная политическая элита Туркменистана состоит из представителей доминирующего клана, к которому принадлежит и президент. Соответственно, перспективы карьеры в политике также определяются клановой принадлежностью.

Процесс принятия внешнеполитических решений в Туркменистане отличается непрозрачностью, поскольку в его осуществлении в основном принимают участие стороны, незаинтересованные в публичном афишировании своей деятельности. Также свое влияние накладывает общая специфика политического процесса в стране, характеризующегося крайней закрытостью от общества и мировых СМИ.

Министерство иностранных дел в современном Туркменистане фактически является лишь проводником в жизнь идей и решений, принимаемых президентом и его окружением. За исключением министра иностранных дел, имеющего некоторую самостоятельность, остальные чиновники жестко контролируются центральной властью. Информация о работе МИД Туркменистана также мало афишируется в официальных СМИ и на собственном сайте.

Влияние других институтов на процесс принятия внешнеполитических решений остается крайне низким. Это объясняется как вышеуказанными особенностями развития политической системы, так и чертами традиционного туркменского общества, склонного к политической апатии. Попытки создания структур гражданского общества в Туркменистане наталкиваются на непонимание населения и противодействие со стороны властей, жестко контролирующих любые формы проявления общественной активности, способной повлиять на положение институтов власти. То же самое касается и политических партий, чья деятельность может рассматриваться как оппозиционная. По отношению к ним применяются репрессивные меры вплоть до длительных тюремных сроков для наиболее влиятельных оппозиционеров.

Объявленная действующим президентом Г.М. Бердымухамедовым программа по либерализации политического режима пока не привела к каким-либо значимым переменам. Полный переход законодательной власти под юрисдикцию парламента и создание нескольких новых «альтернативных» партий имеют лишь формальный видимый эффект и не влияют на какое-либо направление внутренней и внешней политики.

К особенностям процесса принятия внешнеполитических решений в Туркменистане стоит отнести т. н. «теневую элиту» в лице советников президента нетуркменского происхождения, оказывавших серьезное влияние, в том числе и на процесс формирования внешней политики. «Теневые советники» имели серьезное влияние на С.А. Ниязова и сумели практически в неизменном составе войти в круг приближенных Г.М. Бердымухамедова.

Еще одной группой влияния являются иностранные компании, имеющие отделения и, соответственно, серьезные бизнес-интересы в Туркменистане. В основном они заняты в сфере добычи полезных ископаемых, строительстве, производстве и сельском хозяйстве. Таким образом, экономические и финансовые группы напрямую заинтересованы как в преференциях для себя, так и в дальнейшем улучшении отношений между Туркменистаном и

собственными странами регистрации. Влияние на президента оказывается как через его ближайшее окружение, так и путем непосредственных встреч с Г.М. Бердымухамедовым.

Кроме того, на внешнеполитический курс оказывают влияние племена и кланы, проживающие в пограничных регионах и имеющие устойчивые связи с клановыми (племенными группами) сопредельных государств, а также кланы, активно контактирующие с туркменскими общинами за рубежом.

Список литературы References

1. Алексеева Т.А., Казанцев А.А. 2012. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ. М., Аспект Пресс, 223.

Alekseeva T.A., Kazancev A.A. 2012. Vneshnepoliticheskij process. Sravnitel'nyj analiz. M., Aspekt Press, 223. (in Russian)

2. Аликперов М. Бердымухамедов не устоял перед финансовым обаянием Чалыка. Хроника Туркменистана. Издание Туркменской инициативы по правам человека. Официальный сайт. 2010. URL: <http://archive.chrono-tm.org/?id=2367> (дата обращения: 08.10.2018).

Alikperov M. Berdymuhamedov ne ustoyal pered finansovym obayaniem CHalyka. Hronika Turkmenistana. Izdanie Turkmenской iniciativy po pravam cheloveka. Oficial'nyj sajt. 2010. URL: <http://archive.chrono-tm.org/?id=2367> (data obrashcheniya: 08.10.2018).

3. Американский бизнесмен Роберт Паркер доволен развитием партнерства с Туркменистаном. Интернет-газета Turkmenistan.ru. Официальный сайт. 2003. URL: <http://www.turkmenistan.ru/ru/node/17218> (дата обращения: 08.10.2018).

Amerikanskij biznesmen Robert Parker dovolen razvitiem partnerstva s Turkmenistanom. Internet-gazeta Turkmenistan.ru. Oficial'nyj sajt. 2003. URL: <http://www.turkmenistan.ru/ru/node/17218> (data obrashcheniya: 08.10.2018).

4. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов. 2017. Ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. М., Издательство «Аспект Пресс», 496.

Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov. 2017. Red.-sost. D.A. Degterev, K.P. Kurylev. M., Izdatel'stvo «Aspekt Press», 496. (in Russian)

5. Горак С. 2007. Туркменистан после Туркменбаши. К вопросу о трансформации режимов личной власти. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 3: 62–78.

Gorak S. 2007. Turkmenistan posle Turkmenbashi. K voprosu o transformacii rezhimov lichnoj vlasti. Politicheskaya ehkspertiza: POLITEKS. T. 3: 62–78. (in Russian)

6. Грозин А.В. 2014. Под туркменским ковром. Элиты Туркменистана и «газовая геополитика». Постсоветский материк. 1(1): 37–57.

Grozin A.V. 2014. Pod turkmenskim kovrom. Elity Turkmenistana i «gazovaya geopolitika». Postsovetskij materik. 1(1): 37–57. (in Russian)

7. Грозин А.В. 2010. Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: общее, особенное и трудности модернизации. Азия и Африка сегодня. 9: 50–55.

Grozin A.V. 2010. Elity Turkmenistana i central'noaziatskie klany: obshchee, osobennoe i trudnosti modernizacii. Aziya i Afrika segodnya. 9: 50–55. (in Russian)

8. Инвестиционный потенциал Туркменистана. Анализ политических рисков. 2011. М., МИПЭ, 126.

Investicionnyj potencial Turkmenistana. Analiz politicheskikh riskov. 2011. M., MIPE, 126. (in Russian)

9. Колосов Л.С. Партнерство во имя обогащения. Гундогар. URL: <http://gundogar.org/?01303821000000000000011000000> (дата обращения: 08.10.2018).

Kolosov L.S. Partnerstvo vo imya obogashcheniya. Gundogar. URL: <http://gundogar.org/?01303821000000000000011000000> (data obrashcheniya: 08.10.2018).

10. Конституция Туркменистана. Интернет-газета Turkmenistan.ru. Официальный сайт. 2003. URL: http://www.turkmenistan.ru/?page_id=9&lang_id=ru&elem_id=2251&type=event (дата обращения: 08.10.2018).

Konstituciya Turkmenistana. Internet-gazeta Turkmenistan.ru. Oficial'nyj sajt. 2003. URL: http://www.turkmenistan.ru/?page_id=9&lang_id=ru&elem_id=2251&type=event (data obrashcheniya: 08.10.2018).

11. Майман Иосиф. ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/person2.php?&st=1013880128> (дата обращения: 08.10.2018).
- Majman Iosif. CentrAziya. URL: <http://www.centrasia.ru/person2.php?&st=1013880128> (data obrashcheniya: 08.10.2018).
12. Оськина О.И. 2014. Политическая элита Туркмении: традиции и перспективы. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2(39): 244–249.
- Os'kina O.I. 2014. Politicheskaya elita Turkmenii: tradicii i perspektivy. Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. 2(39): 244–249. (in Russian)
13. Репрессии и регресс в Туркменистане: новая международная стратегия. Доклад № 85 МГПК Азия. Ош/Брюссель, International Crisis Group, 2004, 54.
- Repressii i regress v Turkmenistane: novaya mezhdunarodnaya strategiya. Doklad № 85 MGPK Aziya. Osh/Bryussel', International Crisis Group, 2004, 54. (in Russian)
14. Рыжов И.В. 2009. Характер внешнеполитической деятельности государства Израиль в отношении стран центрально-азиатского региона (1992–2000 гг.). Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 1: 174–179.
- Ryzhov I.V. 2009. Karakter vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti gosudarstva Izrail' v otnoshenii stran central'no-aziatskogo regiona (1992–2000 gg.). Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 1: 174–179. (in Russian)
15. Туркмения. Конфликты и расколы. Политический атлас современности. URL: <http://www.hyno.ru/tom2/1664.html> (дата обращения: 18.02.2018).
- Turkmeniya. Konflikty i raskoly. Politicheskij atlas sovremennosti. URL: <http://www.hyno.ru/tom2/1664.html> (data obrashcheniya: 18.02.2018).
16. Blank S.J. 2007. Turkmenistan and Central Asia After Niyazov. Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. Official Web-site. URL: <http://ssi.armywarcollege.edu/pdffiles/pub791.pdf> (accessed: 09.10.2018).
17. Denison M. Turkmenistan in Transition. A window for EU engagement? CEPS. Official Web-site. URL: <https://www.ceps.eu/system/files/book/1496.pdf> (accessed: 09.10.2018).
18. Fjæstad K., Øverland I. 2012. Energy Elites in Central Asia: Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan. Norsk Utenrikspolitisk Institutt. Official Web-site. URL: <https://brage.bibsys.no/xmlui/bitstream/handle/11250/2441590/2012%2b-%2bEnergy%2bElites%2bin%2bCentral%2bAsia%2b-%2bFj%25C3%25A6stad%2band%2b%25C3%2598verland.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 09.10.2018)
19. Horak S. 2010. Changes in the Political Elite in Post-Soviet Turkmenistan. China & Eurasia Forum Quarterly. Vol. 8 Issue 3: 27–46.
20. Horak S. 2012. The Elite in Post-Soviet and Post-Niyazov Turkmenistan: Does Political Culture Form a Leader? URL: http://files.slavomirhorak.net/200000204-9ade49bd86/Turkmenistan_Demokratizatsiya_2012.pdf (дата обращения: 10.10.2018).
21. Horak S., Sir J. 2009. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow. Institute for Security and Development Policy. Official Web-site. URL: http://isdp.eu/content/uploads/publications/2009_horak-sir_dismantling-totalitarianism.pdf (accessed: 10.10.2018).
22. Isaacs R. 2015. Charismatic Routinization and Problems of Post-Charisma Succession in Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan. Studies of Transition States and Societies. Vol. 7. Issue 1: 58–76.
23. Kunysz N. 2012. From sultanism to neopatrimonialism? Regionalism within Turkmenistan. Central Asian Survey. Vol. 31 Issue 1: P. 1–16.
24. Peyrouse S. 2011. Turkmenistan: Strategies of Power, Dilemmas of Development. Abingdon, Taylor & Francis Group, 264.
25. Stronski P. 2017. Turkmenistan at Twenty-Five: The High Price of Authoritarianism. Carnegie Endowment For International Peace. Official Web-site. URL: http://carnegieendowment.org/files/Stronski_Turkmenistan.pdf (дата обращения: 10.10.2018).
26. Teres P.L.R. 2017. Political Elites and State Repression in Turkmenistan. Comillas Journal of International Relations. 9: 62–83.